

Они вошли в главный зал храма, один за другим поклонились Городскому Богу и его супруге, отдали должное, вернули старый обет, загадали новые желания. Раздалось несколько звонких звуков — это Хо Лин бросил монеты в ящик для пожертвований.

Места для поклонения располагались вдоль, всего их было четыре. На самом крайнем сбоку дремала черно-белая кошка. Несмотря на людской поток, она даже не шелохнулась, и никто её не прогонял.

Янь Ци пристально на неё посмотрел. Не зная, заметил ли Хо Лин, он тихонько потянул его за рукав:

— Посмотри, там кошка.

Хо Лин бросил взгляд и с улыбкой кивнул:

— Я и раньше её здесь видел. Это храмовая.

— И неплохо так откормленная, — Янь Ци слегка прищурился, его глаза изогнулись в улыбке.

— В храме часто раздают рисовую кашу, провизии у них, видать, хватает. А где много зерна, там и мышей полно.

Они постояли ещё немного, наблюдая за кошкой. Потом заметили, как в зал один за другим заходят новые посетители, становилось тесно. Поняв, что пора уступить место, они вышли.

Хо Лин, проходя мимо молодого даосского послушника, спросил:

— Где можно сжечь бумагу для усопших?

Юный даос показал путь:

— За главным залом есть большая курильница, там можно.

Молодой даос, указав дорогу к курильнице, вдобавок поинтересовался, не хотят ли Хо Лин и Янь Ци заказать для усопших полноценный обряд и провести службу. Хо Лин сразу покачал головой:

— Не нужно.

Монах кивнул, не настаивал. Лишь напоследок дал пару наставлений, как правильно сжигать бумагу, чтобы души умерших в загробном мире действительно смогли её получить. Сказав это,

он сложил руки в жесте приветствия и удалился.

Хо Лин и Янь Ци и правда никогда раньше не делали ничего подобного. Такие обряды, как и прочие старинные обычаи, в основном известны старшему поколению. От них они передаются младшим, от отца к сыну, от матери к дочери, из поколения в поколение.

Они подошли к указанной курильнице, в этот момент у неё никого не оказалось. Внутри уже лежало немало сгоревшей до пепла жёлтой бумаги. Янь Ци подался вперёд, глядя на пламя, и тихо произнёс:

— Моего отца звали Янь Шужэнь, мать — Чжао Шуньхуа. Родом они из уезда Пинъань, похоронены в деревне Чжушань... К сожалению, точных дат рождения я не знаю.

Пока он говорил, Хо Лин аккуратно опустил бумажные деньги в печь, поджёг их с помощью благовония и передал пылающий свёрток Яню Ци. Тот, дрожащими пальцами, поднёс пламя к остальной бумаге. Жёлтые листки вспыхнули мгновенно, языки пламени взметнулись высоко, но вскоре стали затихать, превращаясь в пепел.

Янь Ци тихонько вытер глаза, блестящие от влаги, и, уже без слов, снова поклонился в сторону главного зала храма. Словно груз, давно и тяжело лежавший на сердце, наконец-то отступил. Хо Лин, взглянув на лицо своего супруга, заметил, как в его взгляде и в чертах лица появилась заметная лёгкость.

Жизнь человеческая так и устроена, человеку нужно за что-то держаться, во что-то верить. Когда в душе есть упование и тихая надежда, многое становится легче пережить, многое проще отпустить.

Хо Лин давно потерял родителей, и его боль уже притупилась: прошло столько лет, что, вспоминая, он больше не чувствовал, как сжимается сердце. Но его супругу Янь Ци предстоит пройти этот путь только сейчас и, наверное, не скоро он сможет окончательно отпустить утрату.

.....

После визита в храм они не спешили домой, оставалось ещё дело: купить красной ткани для свадебного пояса. Много не нужно, двух чи (примерно 70 см) хватит. Продавец в лавке, едва увидев, что берут красную ткань, тотчас понял, к чему дело, и, принимая деньги, не забыл сказать пару добрых, благословляющих слов.

По соседству с лавкой тканей располагался небольшой магазинчик пряжи и ниток, все прилавки были уставлены коробками с цветными мотками. Хо Лин заметил, что Янь Ци всё поглядывает в ту сторону, и сказал:

— Пойдём, посмотрим. Вдруг что-нибудь приглянется, возьмём с собой в горы, там с покупками не разгуляешься.

Янь Ци хотел отказаться, но, подумав, понял, что в горном доме действительно непросто с покупками. Сейчас, пока они ещё в деревне, можно и у невестки что-то попросить, а вот потом надеяться будет не на кого.

Он немного смущённо проговорил:

— Я хотел бы вышить по платочку для старшей невестки, для Инцзы и для Мин-гера. Только дома цветных ниток почти не осталось...

На самом деле, для вышивки ароматического мешочка с красными бобами, который Янь Ци хотел подарить Хо Лину, тоже не хватало подходящих цветов. Красные нитки у него были, Хо Лин купил их заранее. А вот зелёных не хватало.

Однако он не стал об этом упоминать. Лучше не болтать о том, что ещё не доделал, пусть это будет сюрприз, который он просто однажды вручит.

— Пустяковое дело, — сказал Хо Лин. — Раз уж пришли, заодно всё и выберем.

Лавка с пряжей была совсем крошечной, на первый взгляд даже немного захлавленной. Хозяйка лавки напоминала паучиху из пещеры Паньсы: сидела, будто в паутине из ниток, но стоило только сказать, что тебе нужно, и она тотчас вытягивала это из груды товаров.

При росте Хо Лина лавка казалась ещё теснее. В это время в помещение вошёл ещё один фулан, увидел Хо Лина и даже немного испугался, не ожидая встретить в лавке такого рослого человека. Понимая, что его присутствие мешает торговле, Хо Лин вышел наружу и остался ждать Янь Ци у двери.

— Горячее печенье с сахаром! Печенье-лугоэр только из печки, свежее!

С улицы донёсся голос: молодая девушка с корзинкой ходила вдоль дороги, продавая сладкую выпечку. Эти лугоэр (лепёшки из пшеничной муки с сахаром и яйцом) обычно пекли только на праздники. В обычные дни их можно было купить разве что у уличных торговцев, и то чаще ради того, чтобы порадовать детей.

Хо Лин окликнул девушку и спросил, сколько стоит.

— Пять вэнь за три штуки. А если возьмёте на десять, я вам ещё один в подарок добавлю, — бодро ответила торговка.

Лугоэр были небольшими, буквально на пару укусов. Хо Лин прикинул в уме и сказал:

— Тогда дай мне на двадцать вэнь.

— Конечно, тогда я вам добавлю ещё две, — улыбнулась девушка. Быстро отсчитала четырнадцать штук и ловко завернула их в заранее нарезанную промасленную бумагу.

Хо Лин потрогал свёрток:

— Ещё тёплые?

Торговка с гордостью кивнула, накрывая корзину обратно чистым ватным покрывалом:

— А как же! Два кэ (полчаса) назад только с печи сняла. Я сразу и вышла на улицу. Если понравятся, приходите ещё. Я всегда на этих улицах рядом торгую.

Хо Лин спрятал узелок с лугоэр и дождался, пока Янь Ци выйдет из лавки с пряжей. Потом они вместе, каждый с кусочком выпечки в руке, пошли дальше по улице, перекусывая на ходу. Хрустящее, сладкое, да ещё и тёплое, печенье было действительно вкусным.

Вот так идти по улицам, поглощая сладости и разглядывая лавки — такой опыт для Янь Ци был в новинку. Всё вокруг казалось свежим, необычным, и потому особенно ценным. Маленький лугоэр он ел медленно, растянув на несколько укусов, только в самом конце позволив себе проглотить последний кусочек. Даже крошки, оставшиеся на промасленной бумаге, он тщательно слизал.

Вероятно, Хо Лин заметил, как сильно геру понравилось угощение. Уже вечером, после того как Янь Ци выпил лекарство, он будто фокусник достал из-за пазухи ещё один лугоэр и протянул ему.

Янь Ци облизал губы, про себя подумав: «Вот и избаловался... раньше о сладком только мечтать мог, а теперь лугоэр мне вкуснее даже конфет».

— Я ведь днём уже ел, — нерешительно заметил он.

— Так что ж теперь, один в день и хватит? Кто такое придумал? — хмыкнул Хо Лин.

Увидев, что Янь Ци не торопится брать, он просто разломил печенье пополам и протянул одну часть. Тут уж Янь Ци не устоял и с радостью принял угощение. Они сидели рядом, плечом к плечу, будто две белки в горах, делящие найденную шишку, и неторопливо доели сладость.

Доев все до крошки, оба непроизвольно засмеялись.

Янь Ци улыбнулся:

— Вот уж и впрямь... какие же мы с тобой обжоры.

Даже когда Янь Ци жил дома, он и представить себе не мог, чтобы можно было вот так запросто сидеть и есть сладости. Инцзы, хоть и была сладкоежкой, всё равно росла в строгости, родители не позволяли ей баловаться. А теперь вот они с Хо Лином спрятались в комнате и едят что захотят.

— Вот тебе и прелести взрослой жизни, — усмехнулся Хо Лин. — Особенно когда только поженились и детей пока нет. Ты не знаешь, а брат с невесткой до рождения Инцзы чуть ли не через день устраивали себе угощение: пару закусок, да по глоточку вина.

Но стоило ему обмолвиться про детей, как у Янь Ци вспыхнули уши, и он тут же, будто сбегая, соскочил с кана и пробормотал:

— Пойду наберу воды, прополощем рот и спать пойдём.

Хо Лин взял опустевшую чашку от лекарства и понёс её мыть.

Слегка подсоленной водой они смыли приторную сладость с языка. Перед тем как задуть лампу, Хо Лин краем глаза заметил в корзинке с нитками небольшой пузырёк с маслом из цветков османтуса. Это было новенькое, купили днём в городе. Уже позже, по возвращении домой, он узнал, что в прошлый раз, когда в деревню приезжал разносчик, у того не оказалось в товаре такого масла, и Янь Ци не стал ему об этом говорить.

В самом деле, всё удачно совпало — масло, что продавали в городе, было куда лучше того, что возил деревенский разносчик, хотя и стоило дороже: целых пятьдесят вэнь за баночку.

С затаённой мыслью Хо Лин лёг рядом с супругом, прижался и положил голову на подушку. Гречишная шелуха мягко шелестела. Ему нравилось спать на ровной, а Янь Ци, наоборот, любил встряхнуть подушку, чтобы шелуха собралась внизу и приподняла шею.

Увидев, как Хо Лин залез под одеяло, Янь Ци тоже повернулся к нему лицом.

— Завтра, когда будешь причёсываться, не забудь попробовать это масло.

Но Янь Ци вдруг ответил тихо:

— Я... хочу оставить его на послезавтра.

Сначала Хо Лин хотел уже отговорить супруга, мол, не стоит так беречь, невестка ведь говорила, что масло нужно использовать регулярно, тогда и волосы будут чёрные, блестящие, как у Инцзы, которую все хвалят.

Но, услышав эти слова, он вдруг сообразил: «Послезавтра» — это ведь день их свадебного пира. И тогда подумал: ну, можно и подождать.

— Ладно, тогда и правда подождём пару дней, — мягко согласился Хо Лин.

Сейчас его фулан хоть и не пах османтусом, но источал аромат травяного отвара, по-своему тоже очень приятный.

В последующие дни Хо Лин трудился, что называется, без продыху. Один день ушёл на поездку на рынок, где он продал весь товар, на следующий отправился в Шуанцзиньтун за новым сундуком и шкафом, а ещё через день - на встречу с поваром и мясником, чтобы окончательно договориться: один придёт готовить на праздник, другой привезёт мясо. Поскольку гостей ожидалось больше, чем он рассчитывал, мяса кроликов и рябчиков, что он сам добыл в горах, оказалось недостаточно. Пришлось ещё докупить у других охотников.

И вот, не успел он оглянуться, как наступил важный день.

В деревне Сяошань, у дома семьи Хо, 18-го числа третьего месяца по лунному календарю, праздничные хлопушки гремели целых четверть часа, прежде чем затихли.

Хотя это была всего лишь «дополнительная» свадебная трапеза, всё, кроме обрядов выкупа и проводов невесты, было организовано по всем правилам. Семья Хо пригласила из дома старосты Чжоу супругу Чжоу Чэнцзу, Сунь-ши, чтобы та стала «женщиной удачи» и помогла Янь Ци причесаться, наложила лёгкий макияж, а также расстелила постель и разбрасывала на ней лепестки, как того требует обычай.

У Сунь-ши было круглое лицо, тонкие изогнутые брови, внушительная талия и мочки ушей, на которых покачивались жемчужные серьги. Все в округе говорили, что у неё «счастливое лицо». В последние годы будь то в деревне Сяошань или в её родной деревне, если кто-то справлял свадьбу, обязательно звал её на помощь. На одних только подарках за услуги она скопила немало.

С таким опытом движения её рук были уверенными и ловкими.

— Ух, и ароматный же этот масляный бальзам! Смотри, как волосы засияли - чёрные, гладкие!

Это ты в городе купил, да? — весело щебетала она, собирая волосы Янь Ци в причёску. На столе стоял только что открытый флакон, от которого исходил мягкий, не приторный запах османтуса, совершенно не похожий на дешёвую продукцию, что обычно продавал деревенский коробейник.

Янь Ци взглянул на своё отражение в бронзовом зеркале: человек остался тем же, но благодаря лёгкому румянцу на щеках и алому цвету на губах лицо словно оживилось, заиграло свежестью. Он невольно сжал подол одежды, стараясь унять внутреннее волнение, и сдержанно улыбнувшись, ответил:

— Купили, когда в прошлый раз ездили в город на ярмарку.

Сунь-ши не скупилась на похвалу:

— Это, верно, по совету А-Лина? Я с самого начала говорила: добрый он, благородный. Хоть и долго не женился, но уж как женится, будет любить до последнего!

Пара ловких движений — и волосы Янь Ци были надёжно уложены. Причёска у геров проста, не чета затейливым женским укладкам: в деревнях большинство вообще носит волосы собранными сзади, как мужчины, а во время работы и вовсе повязывают голову платком.

Но Янь Ци выглядел мягко и изящно, стоило чуть-чуть его пригладить, подкрасить, и он стал совсем неотразим.

Приданого у него не было, и украшений тоже. Но в этом не было ничего необычного. В бедных деревенских семьях и новая одежда с чистой обувью уже считались достойным нарядом. Если есть украшения - прекрасно, а если нет, никто и не удивится.

— Повернись, дай я взгляну, — сказала Сунь-ши, смачивая гребень водой и приглаживая последние выбившиеся прядки.

Она мягко взяла Янь Ци за подбородок, чуть приподняв ему голову, внимательно посмотрела, а затем довольно кивнула:

— Вот так-то лучше! Какой красавец. Уж поверь, когда А-Лин увидит тебя, глаз не сможет оторвать!

До наступления благоприятного часа новобрачный не мог покидать комнату. Сунь-ши, закончив всё, что было в её обязанностях, вышла, оставив Янь Ци одного. Вскоре в комнату вошёл Сяо Минмин, а за ним с топотом проскользнула хвостиком Хо Ин.

— Сестра Супин совсем закрутилась, — пояснил Сяо Минмин, — попросила меня приглядеть за Инцзы. А заодно мы пришли к тебе, поболтать немного.

Он подошёл ближе, разглядел Янь Ци и удивлённо воскликнул:

— Брат Ци, ты румяна нанёс?

Янь Ци поспешно поднял руку, чтобы прикрыть лицо:

— Это тетя Сунь настояла, я ведь говорил, что не нужно...

— Как же это не нужно! — вмешался Сяо Минмин с весёлой улыбкой. — В день свадьбы нужно быть самым красивым!

У семьи Линь не водилось особого достатка, да и отец Линь Чансуя при жизни был человеком несерьёзным, ссорился со многими родственниками, поэтому они не планировали устраивать пышный свадебный пир, как это делала семья Хо.

Сяо Минмин, хоть и завидовал Янь Ци, ни капли не упрекал за это своего мужа, ведь свадебный стол накрывается скорее для окружающих, а главное в жизни — это когда за закрытой дверью семья живёт в согласии. Вот как сейчас ему удалось выкроить возможность прийти поздравить друга, помочь с приготовлениями, да ещё и поучаствовать в свадьбе, посидеть за радостным столом. Разве раньше он мог об этом мечтать?

Он опустил глаза и с улыбкой спросил у Хо Ин:

— Инцзы, как думаешь, твой дядя красивый?

Хо Ин, не раздумывая, воскликнула:

— Конечно, красивый!

От их весёлых слов лицо Янь Ци сразу покрылось румянцем. Он уселся поудобнее, и они втроём немного поболтали. Вскоре снаружи стали доноситься всё более оживлённые голоса, стало ясно, что гости, похоже, уже почти все собрались.